

*Кенжехан**Матыжанов*

директор Института литературы
и искусства им. М. О. Ауэзова,
член-корреспондент НАН РК,
заслуженный деятель РК

ФОЛЬКЛОР ПЕСТОВАНИЯ

При рождении человека песня открывает мира дверь.

Абай

Наблюдения за жизнью и бытом традиционного казахского общества и изучение семейно-обрядового фольклора убеждают в том, что с первого дня своего рождения ребенок впитывает мелодии и народные песни. Трепетная любовь родителей к своему чаду, заботы о нем, весь процесс воспитания и формирования его как достойного члена общества сопровождаются поэтическими строками и песенным искусством. Фактически ни один жизненно важный этап жизни ребенка не остается без внимания, каждый имеет свое название и отмечается обрядовыми действиями, которые сопровождаются соответствующими этому случаю песнями. Такие образцы поэзии, рожденные традиционной народной культурой и устойчиво бытующие в повседневной семейной жизни, фольклористы называют поэзией пестования.

Состав, функции и содержательная структура поэзии пестования, несмотря на некоторые различия, у многих народов совпадают. В казахской поэзии пестования, помимо колыбельной песни, пестушек и потешек имеется ряд песен, значительно отличающихся как манерой исполнения, так и преобладанием мотивов благословения и благих пожеланий. Они сопровождают традиционные обряды укладывания младенца в люльку, празднования сороковин, облачения в первую одежду, разрезания пут, первой посадки на лошадь и другие. Похожие песни распространены и у других народов, но не у всех, к сожалению, сохранились. «Обряды, касающиеся детей, – пишет Ю. Г. Круглов, – еще не полностью изучены. К примеру, многим известны обряды, связанные с пробиванием у ребенка первого зуба, первым стриганием волос. У казаков до недавних пор существовал обряд первой поездки ребенка на коне» [1; 8]. У казахов многие из вышеупомянутых обрядов живы по сей день.

Подобные песни в узбекском детском фольклоре А. Сафаров выделил как «песни благопожелания». Мы номинировали эти произведения как «детские обрядовые песни», потому что главное отличие песен этой группы от других «песен пестования» заключается в их связи с народными обрядами, касающимися жизни детей. Уместно процитировать, на наш взгляд, заключение известного фольклориста В. Я. Проппа: «В качестве жанра мы понимаем произведения, объединенные цельной поэтической системой, бытовым назначением, манерой исполнения и музыкальным строением... В исследовании обрядовой поэзии важным условием является учет ее бытового назначения» [2, с. 46].

Таким образом, в составе казахского фольклора пестования имеются «бесік жыры» – колыбельная песня, «сәбилік салт жырлары» – детские обрядовые песни, «мәпелеу жырлары» – песни-пестушки, «уату жырлары» – песни-потешки.

На земле нет народа, матери которого не пели бы «бесік жыры» – колыбельные песни. «Бесік жыры» является важнейшим фактором и предпосылкой создания атмосферы душевного и психологического комфорта, в условиях которого формируются духовные ценности будущего гражданина. Колыбельная песня своими корнями уходит в глубь веков, в отношения первобытнообщинного общества. Она есть плод многовекового опыта многих поколений. Сложный по своей природе жанр, выдержавший испытание временем и неукоснительно выполнявший свои функции в качестве специфической отрасли народной педагогики, издавна привлекал внимание педагогов и этнологов, фольклористов и музыковедов, поэтов и писателей.

И сегодня в мировой фольклористике, в том числе и в фольклористике стран СНГ, имеется значительное количество серьезных исследований колыбельных песен. В их числе труды А. Ветухова, М. Н. Элиаша и А. Н. Мартынова. Колыбельные песни долгое время рассматривались в составе бытовых обрядовых песен, чему есть свои причины. Само понятие «детский фольклор» оформилось в фольклористике сравнительно недавно, лишь в 30-х годах XX века, благодаря трудам Г. С. Виноградова. Первоначально к нему относили только произведения детского репертуара. Такой подход был главенствующим вплоть до недавнего времени. В настоящее время рассмотрение колыбельной песни как составной части детского фольклора находит все больше сторонников среди исследователей, проводящих систематические изучения в этом направлении.

Вполне обоснованно и первым об этом заговорил О. И. Капица [3]. Большинство исследователей, включающих колыбельную песню во взрослый фольклор, учитывают, в первую очередь, то, кем она создана и кем исполняется, а не то, кому она посвящена и какие функции выполняет. Колыбельные выполняют важную воспитательную роль с первых дней жизни малыша, когда, слушая их, новорожденный впитывает всю прелесть слов и мелодий, поэтому эти песни можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных жанровых видов детского фольклора.

Но очевидно и то, что, как мы не можем отделить детей от семьи, так и песни, посвященные детям, не могут быть отделены от семейно-обрядового фольклора. Классификация фольклорных произведений на жанровые виды, таким образом, всегда научно обоснована.

Образцы казахских песен «бесік жыры» впервые собраны и записаны А. Диваевым в конце XIX и опубликованы в начале XX века [4]. Текст бесік жыры встречается в рукописях Н. Г. Потанина [5]. Привлеченный ритмичностью и мелодичностью казахской колыбельной песни, В. Н. Шитников опубликовал один из ее образцов [6].

Выделивший бесік жыры как самостоятельный жанр из общего состава народной литературы и впервые сделавший их объектом исследования, А. Байтурсынов рассматривает колыбельные в составе магического фольклора. Очевидно, ученый исходил из того, что они исполняются в обычных жизненных ситуациях в унисон с определенными действиями и движениями [7; 433].

Особое значение придавал бесік жыры С. Сейфуллин, посвятивший им главу своего труда «Казахская литература», вышедшего в свет в 1932 году. Он рассматривает их жанровые и художественные особенности, воплощение эстетических идеалов, раскрывает воспитательную функцию [8; 4].

Колыбельные песни народов мира с точки зрения выполняемых функций, содержания, внутренней структуры однотипны, имеют много общих признаков и черт.

Сделанные на основе изучения колыбельных отдельных народов мира заключения ученых о древности данной разновидности песен и о том, что ее первичной основой является не слово, а музыка, главная функция – утешение ребенка, приобщение его к эстетическим народным ценностям и его воспитание, совпадают. Вышесказанное характерно для колыбельных песен многих народов, в том числе и бесік жыры. Что касается вопросов генезиса колыбельных песен, внутрижанровых разновидностей, жанровой природы данного вида песен каждого отдельно взятого народа то мнения ученых расходятся. Относительно истории возникновения колыбельных песен существуют две точки зрения.

Мнение К. М. Элиаша, первого исследователя русских колыбельных песен по поводу того, что «древние основы колыбельных песен связаны с колыбельными заклинаниями» поддерживают В. П. Аникин, Ю. Г. Рочев, А. Н. Мартынова, Э. Н. Таракина. Точку зрения А. Ветухова: «Мать инстинктивно понимает, что для того чтобы утешить ребенка, в первую очередь, нужна яркая и мелодичная песня. Форма колыбельной песни появилась таким образом» [9] разделяют Р. Ф. Ягафаров, А. Сафаров и М. Н. Мельников, приходя к заключению о том, что в истоках колыбельной песни нет элементов заклинаний и древних ритуалов.

Этот вопрос, на самом деле, до сих пор не исследован. Как следует из названия, данная песня преимущественно адресована ребенку в колыбели. Казахи укладывают ребенка в колыбель на 7, 9, 11, 13-й день со дня его появления на свет. Казахская колыбель намного облегчает усилия матери по уходу за ребенком, освобождает ей руки, с санитарно-гигиенической стороны безопасна, дает возможность оберегать малыша от болезней и природных опасностей. В народе бытует мнение, что колыбель является сакральным объектом, оберегающим от мифических и зловредных существ, джинов и чертей, ведьм и вурдалаков, образы которых возникли на почве древних суеверий. Ритуал первого укладывания ребенка в колыбель отмечается торжественно, приглашаются близкие и дальние родственники, исполняются обряды. Колыбель удобна не только для кормления и спокойного сна ребенка, но и для его укачивания с исполнением разных песенных композиций. Ритм материнской песни гармонирует с ритмом раскачиваемой колыбели.

Если не считать небольших различий во внешней форме, колыбели тюркоязычных народов похожи. Архаические формы слова «бесік» (колыбель) можно встретить в текстах многих древнетюркских памятников и в многочисленных письменных источниках. Э. В. Севортян связывает этимологию этого слова с двумя видами корней: 1) к глаголу формы «бе: шибе: ше» присоединяется аффикс -к/ик, -ук; 2) производные различных форм от существительного «бэ» (на эвенкийском), имеющего значение «бесік» (колыбель) [10; 122–123]. Слово «бесік» в разных фонетических формах с древних времен известно в языках всех тюркоязычных народов, ибо они с древности использовали в повседневном быту колыбель.

Скромный образ казахской колыбели, усовершенствованной народными умельцами и отвечающей запросам суровых реалий повседневного быта прошлых веков, способствующей нормальному развитию ребенка в условиях оседло-кочевоего образа жизни, и традиции, связанные с ней, издавна привлекали внимание путешественников и ученых. В конце XIX века врач-этнограф И. С. Колбасенко на заседании Акушерско-гинекологического общества в Киеве выступил с докладом «Казахская колыбель. Несколько слов о содержании ребенка казахами» [11], продемонстрировав уменьшенную в три раза модель казахской колыбели. Он обратил особое внимание на то, что казахская колыбель с точки зрения гигиены чиста, удобна и безопасна при кочевом образе жизни, сделав акцент и на том, что вредно держать ребенка запеленатым на протяжении долгого времени.

О том, что казахская колыбель, при всех своих достоинствах, нуждается в дальнейшем усовершенствовании, писал в свое время М. Жумабаев в книге «Педагогика». Ритуалы, ставшие объектом и предметом анализа современных исследователей, сохранились в народном быту до настоящего времени. Обычай обжигания перекладки колыбели, украшение ее перьями совы и клыками волка, укладывание под подушку ребенка ножа, кинжала и другие существуют у многих народов Центральной Азии. Сюда же относится и табу на укачивание пустой колыбели.

Казахи, перед тем как укладывать ребенка в колыбель, проводят процесс ее окуривания (алас), напевая примерно так:

Алас, алас, избавь от напасти,
Избавь от глазливого,
Избавь от языкастого,
Избавь от сорокареберного,
Избавь от тридцатипозвоночного!

Архаические анимистические представления, составляющие сюжетную и образную основу подобных песен, в разной степени сохранились у многих народов. Например, в русских колыбельных песнях сон призывают следующими словами:

Сон да дрема,
Приди к Вене в голову.
Сон да дрема,
Накатись на глаза.

Ученые, признающие магические основы колыбельных песен, приводят в качестве примера подобные тексты. Сочетания «ұйқым қашып кетті» (сон убежал), «көзіме ұйқы тығылып» (сон прячется в глазах), «ұйқым келмеді» (сон не пришел) свидетельствуют о том, что такие магические понятия были и у казахов. Вдумчивый исследователь русской колыбельной песни А. Н. Мартынова, связывая происхождение подобных текстов с заклинаниями, пишет о двух видах заклинаний в русской колыбельной песне: заговоры-пожелания и заговоры-обращения. Элементы указанных видов заклинаний встречаются и в казахских колыбельных песнях.

Заговоры-пожелания с просьбой дать ребенку счастливое, светлое будущее, основанные на глубокой вере в магическую силу слова, встречаются довольно часто. Именно по этой причине, надо полагать, знаток казахской культуры А. Байтурсинов отнес колыбельные песни в разряд магического фольклора.

Рудименты заговоров-обращений, основанных на архаических представлениях о том, что каждое явление, каждая вещь, весь мир – явления одушевленные, с которыми можно разговаривать, обращаться к ним с просьбой и получить желаемое, порой не совсем явно обозначенные, но прочитываемые исследователем, можно обнаружить в текстах казахских колыбельных песен.

Наш ребеночек Дарын,
Мы нашли его в степи...

или:

Где же наш родной Дарын?
С девушками он на празднике...

Мать старается обмануть и направить по другому пути злодеев, которые будто бы пришли к ее ребенку. По нашему мнению, в древних вариантах этой песни магический заговор-обращение, предназначенный для изгнания «опасности»,

которая, по разумению матери, могла навредить ее ребенку, был выражен более конкретно.

Древние образцы колыбельных песен, увы, не сохранились. Элементы архаических представлений, наблюдающиеся в их поздних записях, могут быть поздними привнесениями. Иными словами, нет точных доказательств того, что колыбельная песня возникла из магических песен-заклинаний. Следовательно, исходная и основная функция колыбельной песни – успокаивание ребенка, обеспечение здорового сна, основы нормального роста малыша, воспитание эстетического вкуса. Что касается предположений о том, что мотивы благословения, печали, отголоски бытовых неурядиц, следы реакции на те или иные исторические события, вплетенные в структуру колыбельной песни, являются привнесениями поздних времен, то этому в настоящее время нет конкретных доказательств.

О внутрижанровой содержательно-тематической классификации колыбельных песен ученые высказывают разные мнения. О. И. Капица подразделяет русские народные колыбельные песни на две группы: песни, «изображающие мир детей», и песни, «выражающие материнские мысли». Н. М. Элиаш делит на четыре группы: 1) колыбельные оберега, 2) исторические, 3) бытовые, 4) колыбельные песни советского периода. А. Н. Мартынова делит колыбельные песни на «традиционные» и «нетрадиционные». Поддерживая это мнение, татарский исследователь Р. Ф. Ягафаров добавляет к ним колыбельные песни, «посвященные современной тематике».

Представляется целесообразным разделить казахских колыбельных песен на два вида:

1. Традиционные колыбельные песни.

2. Импровизированные колыбельные песни.

К категории традиционных относятся песни, складывавшиеся на протяжении длительного времени и полностью сохранившие базовую содержательно-композиционную схему. Они исполняются с небольшими вариациями, то есть без особых изменений, во всех уголках Казахстана. В структуре песен обязательны припевы «баю, баю» или «не плачь, малыш, не плачь». Содержание включает и благие пожелания ребенку в его будущей жизни. В этих песнях содержатся картины народного быта, отражены мечты и надежды людей, содержатся положения народной педагогики.

Импровизированные колыбельные песни создаются под влиянием разных событий, имеющих важное значение для всего общества, и тех, которые важны только для конкретного человека. Укачивающий колыбель использует традиционные мелодии колыбельной песни, выражает свои мысли и переживания. Песни этой группы можно разделить на два вида: песни историко-бытовой тематики и песни печали, непосредственно связанные с личной жизнью исполнителя, его внутренним миром. Большинство песен бытует в отдельно взятых регионах и не имеет широкого распространения в других. Иные, будучи в свое время широко распространены, забыты, или преданы забвению события, ставшие причиной их возникновения, поэтому информации о них мало. Это объясняется тем, что собиратели фольклора отдавали приоритет крупным жанрам устной народной литературы (эпос, сказки, легенды и др.), уделяя малым жанрам внимания недостаточно. Да и в настоящее время их системная запись не осуществляется.

В «Словах назидания» (Седьмое слово) великий Абай пишет: «Жизнь только что родившегося ребенка стимулируется двумя, присущими ему изначально инстинктами. Первый – это потребность есть, пить и спать. Это – потребность плоти, без этого тело не может стать пристанищем для души, не будет расти и крепнуть».

Второй – желание все знать. Младенец стремится познать все, что его окружает: он тянется к ярким вещам, берет их в руки, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, интересуясь всем, что видят глаза и слышат уши: “Что это? Зачем это? Почему он так делает?” – это уже потребность души, тяга к знаниям, желание познать мир». Эту потребность к познанию мира народ старается удовлетворить через колыбельные песни. «Папа» «мама» – фактически, первые слова, которым взрослые учат малыша. Первые мелодии и напевы, краски жизни он впитывает через колыбельные песни. Безусловно, ребенок не сразу познает содержание и смысл колыбельных песен, которые меняются с его взрослением и дальнейшим развитием.

По мере взросления ребенка содержание колыбельных песен усложняется за счет введения воспитательно-дидактических мотивов. В целом, усиливается воспитательно-обучающий, наставнический фон, проникнутый надеждами, мечтами о счастливом будущем малыша. Таким образом, соответственно эмоциональному и умственному развитию ребенка постепенно меняются функции и содержание колыбельных песен. Учитывая это обстоятельство, исследователи выделяют три функции и соответственно три типа колыбельных песен. Мы предпочитаем термин «этап».

На первом этапе главной целью является знакомство ребенка с окружающим миром. По М. Н. Мельникову, в русском фольклоре этот процесс начинается со знакомства ребенка с кошкой, голубем, петухом, коровой и др. А. Сафаров связывает начало этого этапа с той порой, когда ребенок находится еще в колыбели, отмечая важную роль постепенного расширения предметов быта, с которыми знакомят малыша. Точка зрения А. Сафарова в определенной степени отражает специфику казахских колыбельных песен. Вот пример.

Арча ли его колыбель,
Урюк ли его колыбель,
Возьмет ли его отец на руки,
Поцелует ли его отец?
Джида ли его колыбель,
Джигит ли его отец?

Благодаря таким песням ребенок в колыбели начинает знакомство с близкими и дорогими ему людьми. Колыбельные песни, воспевающие умельцев-мастеров на все руки, зергеров (ювелиров), чеканящих сложнейшие узоры, батыров, с боевым кличем отражающих врагов, и многих других, относятся ко второму этапу, а песни, изображающие душевный и духовный мир матери – к третьему этапу.

Казахи называют колыбельные песни и «элди». «Элдилеу» – (убаюкивание) означает укачивание ребенка в колыбели или на руках. «Элди-элди», как в русском языке «баю-баю», на узбекском языке – «алла-алла», на татарском языке – «элли-бэлли», является устойчивым припевом колыбельной песни.

Знакомство с колыбельными песнями других народов выявляет общность их свойств. Схожесть особенно отчетлива у родственных тюркских народов, имеющих общие генетические корни, общее историческое прошлое. К примеру, казахские колыбельные песни не только однотипны по содержанию и структуре с каракалпакскими, кыргызскими, ногайскими песнями, но и близки на уровне текстуальном. Они имеют много общего и с узбекскими, татарскими, башкирскими, карачаево-балкарскими песнями.

Колыбельные песни исполняют дедушки, бабушки и другие члены семьи, которые стараются успокоить и укачать ребенка. В многодетных семьях многих народов старшие дети традиционно принимают участие в воспитании младших детей. В больших и многодетных казахских семьях старшие дети воспитывают своих младших братьев и сестер, бесік жыры исполняются детьми по очереди.

Как верно писал А. Н. Толстой: «Не увидев жизнь крестьянской женщины, которая, сидя в бедной лачуге у печки и прядя нить на веретене, ногами раскачивает колыбель, невозможно всей душой понять внутреннее таинство старинной колыбельной песни... Лево́й рукой тянет прядь шерсти, а право́й – крутит веретено. Свет жизни едва мерцает на конце пламени в печи. Так вся внутренняя природа колыбельной песни получает жизненные соки от этой картины» [12; 363–364]. Душевно-лирический мир древних казахских колыбельных песен отражает духовный мир казахской женщины, которая, привязывая кобылу, готовя кумыс, заготавливая курт, взбивая масло, одновременно присматривает за ребенком в колыбели. Заплетая аркан, прядя нить, выделывая шкуру, она ласкает и убаюкивает своего малыша. Любовь к дитя, его пестование, заботы о нем – основные источники колыбельной песни.

Казахи с большим почтением и любовью относятся к лошади. Образ благородного животного, ласково называемого «ер қанаты» (крылья мужчины), являющегося и транспортом, и пищей, часто воспевается и в колыбельных песнях. Детей с детства приучают беречь, ценить и должным образом смотреть за лошадьёю, за домашней скотиной, которая в определенные периоды жизни народа была главным источником и основой его физического существования. Трудолюбивый человек, который будет продолжать дело своих родителей, приумножать благосостояние семьи, – один из главных идеалов колыбельной песни, в которой нередко воспеваются красота и стать коня:

Как звезда на небесах,
Как бобер, плывущий в воде,
Как девушка в райском саду,
Которую сам я избрал.

Интересна, на наш взгляд, следующая шуточная колыбельная:

На чалого коня садись, мой малыш,
Есть в ауле белолицая девица,
Скачи, скачи в ее дом...
Развернувшись, войди в дом, мой малыш,
Испей кумыса их, мой малыш.
Если не дадут кумыс,
Умыкни их дочь, мой малыш.
Коль разозлится старший брат ее,
Опрокинь его на землю, мой малыш,
Станет важничать жена его,
Отправь ее к бесам, мой малыш.

Удачно переданы оптимизм, тонкий юмор, надежды и мечты родителей о том, чтобы их ребенок поскорее вырос и повзрослел, обрел семейный очаг и стал достойным отцом семейства.

Знаменательные, важные события прошлой и настоящей истории народа не могут не отражаться на жизни и судьбах как всего общества, так и каждой семьи и отдельно взятого человека. По редким образцам дошедших до нас импровизи-

рованных колыбельных песен, многие из которых так и не были записаны и бесследно канули в Лету, мы можем увидеть характерные черты и признаки разных исторических этапов жизни этноса, отголоски тех или иных событий. К примеру, записанные писателем М. Магауиным нижеприведенные песенные строки по времени возникновения относятся к периоду до XV века:

Мой ребеночек беленький,
Волосы его рыжие,
Колыбель моего дитя
Никогда не будет сломана.
Пусть будет прочной,
Пусть сахар и мед принесет.
Пусть волосы будут длинны,
Пусть много будет жен...

По текстам некоторых колыбельных песен можно заключить, что они нередко были удобной возможностью передать душевное горе казахских женщин, разлученных со своими возлюбленными.

Я дочь Оспанбая – Зулхия,
В руках у Зулхии гармония.
Продали меня за полторы тысячи рублей,
Вступив в сговор с Ташкентом.
Не плачь, дитя мое, не плачь,
Не плачь, дитя мое, баю-бай...

«Бесік жыры» советского времени полностью сохранили традиционные особенности, но при этом в содержании текстов присутствуют элементы новизны. Например:

Эта колыбель – новая колыбель,
Нет другой подобной, благостной.
Не хороша ли колыбель новой жизни,
Многих по-новому она убаюкает.

Еще пример:

Чтоб был благородным,
Расторопным в делах,
Получай разносторонние
Знания сегодня,
Этого ждет народ.

Известно, что одним из знаменательных периодов развития народной литературы, обретения ею нового содержания был период Великой Отечественной войны. Проклятие войне, вера в победу, пропаганда храбрости, патриотизма, тяжелый труд в тылу стали содержательно-сюжетной основой многих «бесік жыры».

Победит ли красная армия фашистов?
Вернется ли твой отец невредимым?

Если вернется отец с войны,
Засмеется ли мой малыш от радости?
Баю, баюшки, малыш,
Пусть вернется твой отец.

Или:

У отца твоего на поясе серебряный меч,
Взяв его в руки, отважно воюет он,
В большом переплете должно быть, он,
Баю, баю, спи спокойно, малыш.

Эта песня, начинающаяся с рассказа о героизме отца, которого мать ставит ребенку в пример, заканчивается полными оптимизма и надежды словами:

У отца твоего на поясе ножны из рогов,
Заржавеют они – печаль-испытание для героя.
Можешь не спать, уже светает,
Еще одна ночь войны прошла.

Бесік жыры является одним из важных жанров чрезвычайно богатого, подобного безбрежному океану казахского фольклора. Возникнув в глубине веков, сопровождая народ во всех жизненных ситуациях, она, будучи составной частью детского фольклора, играет большую роль в воспитании подрастающего поколения.

В бесік жыры мы видим этнографические зарисовки повседневной жизни народа. В них – его мечты о будущем, идеальные представления о грядущих поколениях. Глубокое изучение колыбельной песни, бесспорно, может дать много информации, полезной не только фольклористам, но и историкам-этнографам, музыковедам, педагогам и журналистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., 1982.
2. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
3. Капица О. И. Детский фольклор (песни, потешки, дразнилки, сказки, игры). Ленинград, 1928.
4. Диваев А. Киргизские колыбельные песни // Известия Туркестанского отдела РГО. Т. II. 1905.
5. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алматы, 1972.
6. Шнитников Б. Материалы по киргизской и татарской музыке // Живая старина. 1913. Вып. III, IV.
7. Қазақ халқының салт-дәстүрлері / Құрастырушылар Қалиұлы С., Оразаев М., Смайылова М. Алматы, 1994.
8. Сейфуллин С. Шығармалар. Қазақ әдебиеті. Т. VI. Алматы, 1964.
9. Ветухов А. Народные колыбельные песни. М., 1892.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы на букву «Б». М., 1978.
11. Колбасенко И. С. Некоторые киргизские обычаи и поверья, имеющие акушерское значение // Протоколы Киевского Акушерско-гинекологического общества. Вып. 5. Киев, 1889. С. 45–51.
12. Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1949.

